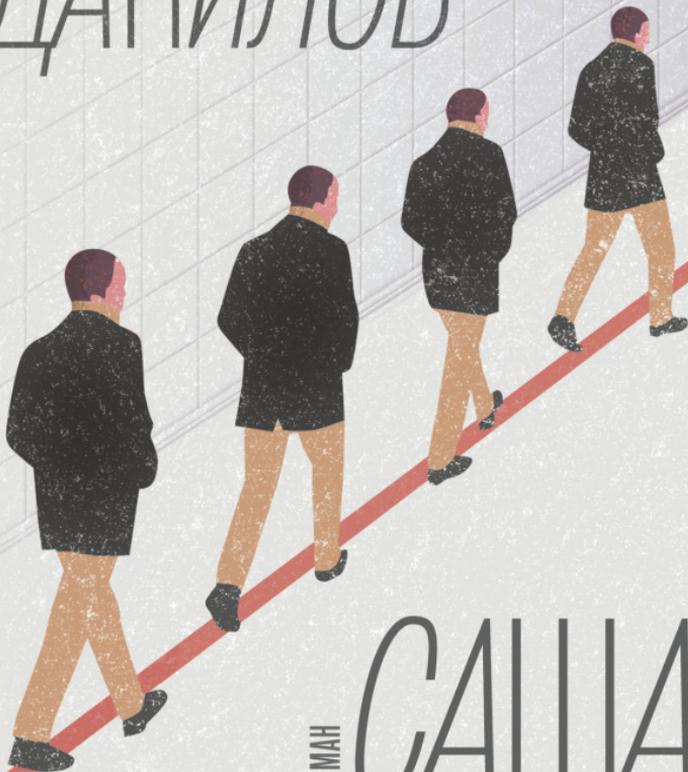

ДМИТРИЙ
ДАНИЛОВ

18+

РОМАН САША,
ПРИВЕТ!

Дмитрий Алексеевич Данилов

Саша, привет!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67124403

Саша, привет! : роман / Дмитрий Данилов: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-146342-7

Аннотация

Дмитрий Данилов – драматург («Человек из Подольска», «Серёжа очень тупой»), прозаик («Описание города», «Есть вещи поважнее футбола», «Горизонтальное положение»), поэт. Лауреат многих премий. За кажущейся простотой его текстов прячется философия тонко чувствующего и всё подмечающего человека, а в описаниях повседневной жизни – абсурд нашей действительности.

Главный герой новой книги «Саша, привет!» живёт под надзором в ожидании смерти. Что он совершил – тяжёлое преступление или незначительную провинность? И что за текст перед нами – антиутопия или самый реалистичный роман?

Содержит нецензурную брань!

Дмитрий Данилов

Саша, привет!

Книга Дмитрия Данилова вроде бы про будущее, но мир предельного комфорта и тотальной несвободы, в котором очутился герой романа, кажется подозрительно знакомым: это прогноз на завтра, который сбывается уже сегодня. Но даже в этом клиентоориентированном застенке Данилов видит жизнь и рассказывает о нём с иронией и нежностью – значит, поживём ещё.

Юрий Сапрыкин

Ты ещё жив. Но уже мёртв. Люди равнодушны и себялюбивы. Люди добры и бескорыстны. До тебя никому нет дела. Ты не одинок. Каждый раз мы выбираем одно из двух. И только Дмитрий Данилов выбирает всё сразу.

Мария Галина

Эпизод 1

Мы видим, как человек идёт по улице. Улица, кажется, московская. Человек идёт несколько нервно. Хотя не очень понятно, как это – идти несколько нервно.

Мы видим, как человек идёт. Всё наше повествование будет построено на том, что мы будем наблюдать за этим человеком. Как он идёт, действует, что он чувствует, в той степени, в которой вообще можно наблюдать, что и как человек чувствует (можно, можно). Как человек сидит. Да, мы будем много наблюдать за тем, как человек сидит.

Это будет чем-то вроде кино. На человека наставлена камера, и мы за ним наблюдаем.

Человек идёт по летним улицам Москвы. Вокруг много людей, транспорт, звуки. Москва великолепна. Мимо человека проносятся летящие лёгкие люди на велосипедах и самокатах. По улицам едет современный, опрятный, сверкающий транспорт.

Казалось бы, человек мог бы идти радостно и расслабленно, учитывая окружающие его прекрасные реалии. Но нет. Человек явно чем-то озабочен. Впрочем, может быть, это нам просто так кажется.

Человек идёт вдоль низкой ограды парка. Он никогда не видел этого парка, не знал о его существовании.

Парк выглядит идилично. Светлые песчаные дорожки среди деревьев и аккуратно подстриженных кустов. Скамейки. Виднеется фонтан. По дорожкам степенно прогуливаются элегантно одетые люди. Кажется, они не говорят друг с другом, гуляют поодиночке. Некоторые просто стоят или сидят. Там, в этом саду, как-то очень хорошо.

Человек останавливается и некоторое время смотрит туда, в этот сад, в парк. Ограда низкая, можно, в принципе, перепрыгнуть. Только зачем.

Женщина в модной шляпе замечает человека и улыбается ему. Человек пытается улыбнуться в ответ, но у него не получается.

Человеку в его нынешнем положении трудно улыбаться.

Наконец человек отрывается от созерцания парка и продолжает идти туда, куда он шёл.

Человек идёт туда, куда он шёл. Он идёт, идёт и наконец приходит туда, куда он шёл.

Человека зовут Сергей. Серёжа.

Эпизод 2

Мы теперь так и будем называть его – Серёжа.

Серёжа подходит к огромному, красивому, сверкающему зданию. Серёжа входит в здание. На входе нет контролёров, охранников, никого. Серёжа подходит к электронному тер-

миналу, прикладывает к экрану свой паспорт, из щели вылезает билет. Е455. Серёже надо подождать.

Впрочем, ждать Серёже не приходится. Почти сразу загорается табло с номером Е455. Кабинет 326. Серёжа поднимается на лифте на третий этаж и идёт в кабинет 326.

Эпизод 3

Серёжа сидит в зале суда. Да, это суд. Зал суда весьма комфортабельный. У одной из стен зала расположен основательный стол, у стола – три высоких пустых кресла, над креслами герб – сложная комбинация кругов, треугольников, шестерёнок и молотов и раскрытая книга с буквами «альфа» и «бета». Удобные кресла (не кожаные, конечно, но будто кожаные). Кулеры с водой. Тихо работает кондиционер. Серёжа растерянно мнётся у входа.

К Серёже подходит девушка средней офисной внешности. Сергей Петрович? Фролов? Да. Здравствуйте, спасибо, что пришли. Присаживайтесь, где вам удобнее.

Серёжа присаживается, где ему удобнее. Зал почти пуст. Присутствуют только девушка средней офисной внешности, Серёжа и ещё одна девушка. Это очень красивая девушка. Она сидит на заднем ряду и никак себя не проявляет.

Серёжа замечает красивую девушку в заднем ряду. Серёжа кивает ей. Серёжа садится где-то примерно в середине зала.

Девушка офисной внешности спрашивает Серёжу: мы можем начинать? Серёжа говорит: да, конечно.

Девушка офисной внешности садится за компьютер, вводит какую-то информацию с помощью клавиатуры, щёлкает несколько раз мышкой. На большом экране появляются строки, они дублируются механическим произношением, как бывает на вокзалах или в аэропортах, когда разные части одной фразы произносят разные люди, обычно женщины.

Мы не будем полностью воспроизводить сообщение, выдаваемое системой.

Именем Российской Республики... Московский окружной уголовный суд... рассмотрев... Фролов Сергей Петрович, 16 апреля 1985 года рождения, место рождения – город Москва, проживающего... старший преподаватель Московского государственного университета современного искусства и культуры... установил: Фролов Сергей Петрович... находясь... будучи... вступил в сексуальные взаимоотношения с лицом, не достигшим совершеннолетия... двадцати одного года... Мещерской Илоной Викторовной, 28 декабря 2004 года рождения... на добровольной основе... без применения насилия... по предварительному сговору... с согласия потерпевшей... свою вину признал... показал, что... показала, что... вину обвиняемого не признала... по месту работы характеризуется положительно... по месту жительства характеризуется положительно... не имел... нет... нет... рассмотрено ходатайство потерпевшей... ходатайство

потерпевшей отклонено... рассмотрев материалы дела, Московский окружной уголовный суд... именем Российской Республики... приговорил Фролова Сергея Петровича, 16 апреля 1985 года рождения, место рождения – город Москва, проживающего... [дальше ещё много слов, которые могут слипнуться в сплошной серый комок, это хорошо делается средствами кино] к высшей мере наказания – смертной казни. Приговор может быть обжалован в течение десяти дней в суде кассационной инстанции.

Серёжа сидит как сидел. Нельзя сказать, что он как-то поражен приговором. Очень красивая девушка тоже неподвижно сидит. Девушка офисной внешности распечатывает приговор.

– Сергей Петрович, можно вас? Вот здесь, пожалуйста, распишитесь, и вот тут. И вот здесь, смотрите, на каждой странице, везде, где галочкой отмечено.

Серёжа долго расписывается в толстой пачке бумаги.

– Так, хорошо, хорошо... да, правильно... Сергей Петрович, вот тут забыли, вот, смотрите, где галочка... пожалуйста... хорошо. Отлично. Сергей Петрович, апелляцию будете подавать?

– Да нет.

– Правильно, я считаю. Против машины-то не попрёшь. Чего время тратить. Ну хорошо, отлично. Смотрите, вот это вам, не потеряйте ничего. А это у нас остаётся. Сейчас идите в триста двадцать восьмой кабинет, это тут рядом, на нашем

этаже, вам там всё объяснят. Спасибо, Сергей Петрович! До свидания!

– Ну, у нас вряд ли состоится с вами свидание.

– Ну да! (*Смеётся.*) Ну это я так. Вы не переживайте, Сергей Петрович! Сейчас это не страшно.

– Спасибо, обнадёжили меня.

– Ну правда, не расстраивайтесь. Во всём нужно искать хорошие стороны.

– Блядь.

– Сергей Петрович...

– Извините. Это я так. До свидания, спасибо.

– До свидания, Сергей Петрович! Хороших вам выходных!

А, да, это пятница. Хороших вам выходных, Сергей Петрович.

– Да, спасибо, и вам тоже. Прощайте.

– Какое слово – прощайте. Ну хорошо. Да, извините. Ну... прощайте, да.

Эпизод 4

Серёжа подходит к кабинету 328. Вокруг тут и там сидят люди. Серёжа спрашивает:

– Извините, кто в триста двадцать восьмой последний?

Люди странно и даже как-то с ужасом смотрят на него. Серёжа робко стучится в кабинет, приоткрывает дверь.

– Можно?

В кабинете сидит обыкновенного чиновничьего вида человек.

– Вы на смертную? Подождите, вызовем.

Серёжа садится в одно из кресел рядом с входом в 328-й кабинет. Какая-то толстая тётка демонстративно отсаживается от него на максимально возможное расстояние.

Эпизод 5

Дверь 328-го кабинета распахивается.

– Кто на смертную? Вы? Заходите.

Внутри обычный кабинет, стол буквой Т. Короткая часть буквы Т занята чиновником, его компьютером, завалена бумагами. Серёжа садится на один из стульев вдоль длинной части буквы Т.

– Давайте, что там у вас. Так.

Изучает бумаги. Некоторое время роется в компьютере.

– Так. В общем, на Комбинате сейчас есть слоты на 20, 22 и 28 мая. Надо будет в один из этих дней туда подъехать на собеседование и оформление. Потом они сами уже назовут дату заселения. Вам нормально? Сможете?

– Ну... да, могу.

– В какой день?

– Ну, давайте 20-го, чтобы не откладывать.

– Тоже верно. Тогда я вас записываю. Но это не очень строго. Если не сможете, позвоните по телефону вот по этому, вот, я тут подчеркнул.

Чиновник протягивает Серёже буклет с логотипом «СК. информация».

– В общем, если не будете успевать, звоните им и договаривайтесь о переносе даты. Но сильно не откладывайте. Не затягивайте.

– То есть можно, в принципе, затянуть? Отложить?

– В принципе, нет, нельзя. Просто стараемся идти навстречу. Мало ли, человеку доделать какие-то дела нужно, съездить к родным и так далее. Мало ли что. Мы понимаем, идём навстречу. Но затягивать не надо.

В кабинет входит секретарша.

– Эдуард Владимирович, простите, можно?

– Ну что там? У меня, видишь, человек?

– Простите, Главный требует срочно на подпись. Подпишите, пожалуйста.

– Ну давай, быстро.

– Вот тут, пожалуйста.

Секретарша уходит.

– Короче, на 20-е вас записываю. В буклете адрес, телефон, имейл, вся информация. В общем, я должен сейчас вас проинформировать по процедуре. Но не знаю, надо или нет? Сейчас все и так всё сами знают. Знаете, как всё будет?

– Ну, так, в общих чертах.

– Ну, давайте я в двух словах...

В дверь заглядывает другая секретарша.

– Эдуард Владимирович, здравствуйте! Ещё не здоровались сегодня! Простите, отвлекла. Может, чайку, кофейку?

– Света, ну, блин, ну видишь, я с человеком говорю, по СК, ну что вот ты. Хотя да, давай. Сергей... э-э-э... Петрович, давайте, может, чайку? Кофейку?

– Ну... давайте.

– Чего? Чай, кофе?

– Давайте чай. Зелёный есть?

– Найдём. Света, два чая, чёрный и зелёный.

– Спасибо.

– Может, коньяка? У меня есть. Случай подходящий. Извините, конечно.

– Ну давайте.

– Правильно. Я бы на вашем месте... Простите. Знаете, профессиональная деформация.

В дверь без стука врывается человек начальственного вида, подходит к столу, показывает на компьютер.

– 1С открой.

Эдуард Владимирович некоторое время возится с компьютером.

– Сейчас, Пётр Павлович, секундочку... висит...

– Всё у тебя висит всегда.

– Извините, вот.

– Вот это видишь?

– А... да... Это вчера ещё. Ну, вы же знаете, что там было.

– Если завтра оно ещё вот так будет... В общем, ты понял.

Человек начальственного вида стремительно выходит из кабинета.

– Короче... блин, не дают слова сказать. Ну, в общем, я должен вас проинформировать. Как приговорённого. Вы, конечно, знаете, что у нас в стране в порядке национального проекта гуманизации правоохранительной системы введена смертная казнь за ряд преступлений. В том числе вот по вашей части тоже. Смертная казнь максимально гуманизирована. Ну, я не буду долго.

– Ну а почему. Расскажите подробно. Мне, знаете, интересно.

– Подробно вам на Комбинате расскажут. Короче, сделано всё так, чтобы не было вот этих казней, как раньше, с палачами и всем вот этим. Чтобы никто не был убийцей. В общем, вы заселитесь на Комбинат, и вас каждый день будут выводить на прогулку, в один из разов сработает автоматический пулемёт и расстреляет вас. Может сработать на пятый день, может через тридцать лет. Как повезёт. Условия там хорошие, будете жить, как в гостинице.

Дверь приоткрывается, в кабинет заглядывает предыдущая секретарша:

– Эдуард Владимирович, к вам Пал Палыч из Второго управления.

– Скажи, что буквально минуточку. Минуточку!

– Хорошо, Эдуард Владимирович!

– Короче, я вам в целом ситуацию описал. Как-то вот так.

В общем, гуманно всё, без всяких вот этих вот казней, ничего не почувствуете. Новое время, новые веяния. Вы извините, коньячок допивайте. Простите, у меня встреча сейчас, извините. Я вам, в общем, как бы это сказать... сочувствую. Но, знаете, закон есть закон. Вот с этими документами в Комбинат, 20-го. Вот тут адрес, давайте подчеркну вам. С 10 до 20. Всё, давайте, счастливо. Держитесь, ничего страшного на самом деле.

Эпизод 6

Мы видим, как Серёжа идёт по пешеходной дорожке к дому, идёт по тротуару вдоль дома, подходит к подъезду. Дом обычный, современный, многоэтажный, не элитный, не бизнес-класса, но и не старый, брежневский или хрущёвский, просто относительно современный московский многоэтажный дом, серии ПЗ или КОПЭ или П44Т, что-то примерно такое. Этажей в доме много – ну да, он же многоэтажный. Серёжа подходит к подъезду, прикладывает к круглой штучке на железной двери круглую штучку на связке своих ключей, раздаётся писк, Серёжа открывает дверь, входит в подъезд, здравствуйте, Наталья Семёновна, Наталья Семёновна величественно кивает, Серёжа идёт к лифту, вызывает

лифт, ждёт, лифт подъезжает, Серёжа входит в лифт, нажимает кнопку своего этажа, лифт начинает движение.

Лифт движется долго, долго, очень долго.

Лифт движется, движется.

Лифт всё движется, Серёжа неподвижно находится в лифте.

Лифт приезжает на нужный Серёже этаж.

Серёжа покидает лифт, возится с ключами, открывает дверь.

Серёжа входит в квартиру.

Серёжа осуществляет обычную входную возню, которую всегда осуществляет входящий человек, – возится, возится. Возится с курткой (её рукава не очень-то подчиняются), возится с повешением куртки на вешалку (она не вешается, потому что вся вешалка занята другой верхней одеждой), пытается снять обувь, она далеко не сразу снимается, потому что шнурки запутываются, и Серёжа нелепо скачет на одной ноге, пытаясь развязать шнурки, и они от его скакания только ещё больше затягиваются, и он просто стаскивает обувь с ноги, насильно стаскивает, через сопротивление, и потом долго пытается, держа в руках обувь, развязать ненавистные, неподчиняющиеся шнурки, и у него сначала плохо получается, а потом к нему всё же приходит успех, и он снимает другую обувь с другой ноги уже относительно легко, или как это лучше сказать, «снимает обувь» – это ведь можно сказать только об обоих предметах обуви, «снимает обувь» –

это ведь когда человек просто снимает всю обувь, которая на нём, то есть оба предмета обуви, а когда он сначала снимает только один предмет обуви и борется с ним, то тут нельзя сказать «снимает обувь», потому что обувь – это оба предмета обуви, а когда человек мучительно борется с одним предметом обуви, нельзя сказать – «он снимает обувь», он снимает не обувь, а только один предмет обуви, в общем, наверное, нельзя сказать «он снимает с одной ноги одну обувь, а с другой ноги другую обувь», обувь – это сразу всё вместе, а когда по отдельности...

Господи.

Ох.

В общем, снял он наконец эту свою трудную, неподчиняющуюся обувь и вошёл в кухню. В кухне всё это время сидела его жена и наблюдала за его мучениями с курткой и шнурами.

Будем считать, что жену зовут Света.

Света просто сидит с ноутбуком за кухонным столом. До прихода Серёжи она что-то делала с ноутбуком, вводила в него какую-то информацию и анализировала выводимую информацию, а с момента появления Серёжи стала наблюдать за его мучениями.

Серёжа садится за кухонный стол напротив Светы. И между ними происходит следующий разговор:

– Ну как, приговорили?

– Ну, типа, да. СК.

– Ну, там, типа, других вариантов и не было, я так понимаю.

– Ну да.

– Можно не расстраиваться особо?

– Да, можно и не расстраиваться. А можно расстраиваться.

– Ты у нас теперь приговорённый.

– Не обязательно мне об этом напоминать.

– Туалет-то хоть будет?

– Света, какой туалет? Мне положено сейчас с ума сходить, а не тебе. Мне так кажется, нет?

– Ну как же. *La toilette du condamné* (произносит с хорошим французским произношением). Помнишь, у Гюго? Он ещё был большим противником смертной казни. СК, как бы сейчас сказали. Эгейнст Си-Кей. *Condemned lives matter* (произносит на хорошем английском).

– Свет, ты это. Я, конечно, ценю твой юмор, как всегда.

– А, типа, не вовремя.

– Ну, ты знаешь, немного да.

– Так что, будет *la toilette du condamné*? У Гюго это ярко описано. Срезание ворота рубахи и срезание всех волос на голове. Чтобы гильотина как-нибудь не затормозила, не запуталась в ткани и волосах.

– Ты, Света, хорошая, добрая девушка.

– Серёжа, ну я как-то стараюсь не сойти с ума и не вот это вот всё. Мог бы и оценить.

– Да... спасибо. Я, в общем, понимаю. Может быть, глупо и даже смешно звучит, но, знаешь, как тебе сказать, и мне сейчас трудно.

– Расскажешь?

– Ну... они пока так, без подробностей. Подробности будут потом, надо идти на, как его, это, собеседование, что ли, в Комбинат. Там всё расскажут.

– Это называется Комбинат?

– Да. Ну а так пока ничего особенного не рассказали. Это всё известно. Никаких палачей, пулемёт расстреливает автоматически неизвестно когда. Гуманная казнь. Это мы и так знали.

– Ну да.

– Говорят, условия хорошие, как в гостинице.

– Ну хорошо. Хоть это.

– Я это... можно я у тебя поживу до конца мая? Не помещаю?

– Да живи, конечно. Видишь, Серёжа, как хорошо всё вышло – не надо разводиться, квартиру снимать. Без этих вот всех хлопот. Во всём есть свои плюсы.

– Света, ты, конечно, умеешь поддержать близкого человека в трудную минуту.

– Ну, ты уже, к сожалению, не особо близкий мне человек, хотя, конечно, по старой памяти... И я уже, кажется, сказала, что изо всех сил пытаюсь не сойти с ума и как-то нормально с тобой разговаривать.

– Света, я это ценю.

– Спасибо.

Эпизод 7

Света в университетской аудитории читает лекцию. В зале небольшое количество студентов. Среди них – очень красивая девушка, которая присутствовала некоторое время назад в зале суда.

Света ходит с указкой вдоль доски:

– Он был совершенно ни о чём, как можно было бы сказать современными словами. Маленький литератор, малозаметный, тихий маленький человек. Правда, каким-то удивительным образом он сумел при своей недолгой жизни опубликовать практически всё им написанное. Ну вот так как-то получилось, как-то так тупая советская цензура проглядела совершенно чуждого ей писателя. Но сначала проглядела, а потом и доглядела. В 1936 году на собрании ленинградских писателей его подвергли жесточайшей критике. Назвали прямо вот антисоветчиком. Дикие совершенно слова говорили. Прямо вот размазали по стенке. Он вышел на трибуну, сказал, что не может со всем вышесказанным согласиться. И ушёл.

И ушёл, понимаете.

И ушёл. И ушёл.

(Спускается к студентам.)

И ушёл! И ушёл!

Подходит к ряду, в котором сидит очень красивая девушка, о которой мы уже говорили. Держа указку за тонкую часть, бьёт ею о стол, за которым сидит девушка:

– И ушёл! И ушёл! И ушёл!!!

Света яростно колотит указкой о стол, пока указка не разбивается вдребезги.

Девушка сохраняет неподвижность. Света выходит из аудитории.

Эпизод 8

Серёжа в университетской аудитории читает лекцию. В зале небольшое количество студентов. Среди них – очень красивая девушка, которая присутствовала некоторое время назад в зале суда.

Серёжа ходит с указкой вдоль доски:

– Понимаете, советская литература была таким коллективным мороком. Что-то писалось, люди работали, даже иногда создавались выдающиеся произведения. Даже, может быть, великие. Но в целом это было какое-то такое, понимаете, блуждание в темноте.

Кто-то из студентов тянет руку:

– Сергей Петрович, а можно вопрос? А правда, что вас к смертной казни приговорили?

Серёжа кладёт указку на стол.

– Да, правда.

Серёжа выходит из аудитории и слышит, как ему вдогонку звучат аплодисменты.

Эпизод 9

Мы видим, как Серёжа идёт по пешеходной дорожке к дому, идёт по тротуару вдоль дома, подходит к подъезду. Дом обычный, современный, многоэтажный, не элитный, не бизнес-класса, но и не старый, брежневский или хрущёвский, просто относительно современный московский многоэтажный дом, серии ПЗ или КОПЭ или П44Т, что-то примерно такое. Этажей в доме много – ну да, он же многоэтажный. Серёжа подходит к подъезду, набирает номер квартиры, раздаётся пищащий звук, Серёжа входит в подъезд, кивает консьержке, она не реагирует, идёт к лифту, вызывает лифт, нажимает кнопку нужного этажа, лифт подъезжает, Серёжа поднимается на нужный этаж, дверь нужной квартиры уже открыта. Серёжу встречает его мама.

– Ну, здравствуй.

Серёжа повторяет те же мучительные действия с одеждой и обувью, которые он совершал у себя дома, или дома у жены, мы тут не будем уточнять, опять эта мучительная возня с рукавами и шнурками. Вот это всё опять. Мама молча смотрит на мучения Серёжи. Они рано или поздно заканчиваются. Мама приглашает (жестом или голосом – трудно сказать)

Серёжу на кухню. На кухонном столе стоит бутылка виски, два стакана для виски, больше на столе ничего нет. Мама начинает говорить.

– Ну что, всё решилось?

– Ну да. Расстреляют меня.

– А что там за процедура?

– Ну, там сложно всё. Стреляет пулемёт при выходе на прогулку, стреляет автоматически, когда стрельнёт – неизвестно. То ли быстро, то ли через кучу лет. Говорят, можно и всю жизнь прожить.

– Жизнь прожить – не поле перейти. Всё-таки очень глупое это стихотворение у Пастернака.

– Мама, ну давай Пастернака обсудим.

– Давай. А что. В целом хороший поэт был, правда, были у него проблемы со вкусом и чувством меры, ну, с другой стороны, у кого их не было. И нет.

– Пастернак. Да. Ну вообще.

– А что, всё-таки большая фигура. За одно стихотворение «В больнице» можно ему памятник поставить. Ладно, давай выпьем. Да, надо закусить чем-то. Сейчас. Вот, сыр есть. Сейчас порежу. Оливки вот. Нормально, хватит.

– Спасибо! Да, Пастернак – большая фигура.

– Ну а что, маленькая, что ли. Нормальная такая фигура. Не, ну были и покрупнее, конечно.

– Мама, ты, конечно, прости, пожалуйста. Но, знаешь, меня скоро расстреляют.

– А ты бы с девками, какими попало, не путался, тебя бы и не расстреливали.

Мама наливает ещё виски, выпивает.

– Мам. Ну прямо это. Как в «Рассказе о семи повешенных». Там тоже такая мама была. Эмпатичная.

– Да, я помню. Хорошо, вырастила хорошего филолога. Специально сымитировала. А ты думал. Серёж, я просто не знаю, что ещё тебе сказать. Правда. Не хочу вот разрыдаться, как баба какая-то. Ну вот, строю из себя интеллигентку.

– Ну ты и есть интеллигентка.

– Ну да. Интеллигентка Гадова. Серёж, я не знаю, вот прямо сейчас не знаю, что делать, как себя вести. Ну, не знаю. Ты прости. Я просто пытаюсь держаться как-то. Как-то всё так дико получилось. Не могла я вот это предположить. Смертную казнь вот эту. Ты же у меня не преступник. Да. Но мне надо как-то держаться. Даже не знаю как. Ну, не знаю. Серёж, не знаю, ну давай, наверное, иди. Потому что это уже я сейчас головой рухну. Или, хочешь, полежи, поспи. Я не знаю.

– Не, мам, я пойду.

– Ну давай, давай. Да.

Серёжа совершает цепь нелепых действий, связанных с обуванием, надеванием одежды, обувь его не слушается, шнурки не завязываются, руки не попадают в рукава, вся вот эта неприятная, мучительная возня. Наконец:

– Мам, ну пока.

- Сын, ну давай. Держись там.
- Под дулом пулемёта?
- Ну, в том числе.
- Пока.
- Пока.

Эпизод 10

Серёжа выходит на лестничную клетку, вызывает лифт, едет в лифте на первый этаж, выходит из подъезда. Некоторое время стоит у подъезда, не зная, куда ему идти. Потом идёт по дорожке от дома, идёт, идёт, доходит до магазина «Пятёрочка», бродит там среди рядов и ящиков с продуктами. Находит закрытый стеллаж с виски и другими, как кажется «Пятёрочке», «дорогими» напитками. Возвращается к стеллажам с мясопродуктами, берёт какую-то нарезку, ещё какую-то нарезку (колбаса, ветчина, ещё что-то такое), продвигается к нарезкам с сыром, берёт зачем-то нарезку сыра маасдам, идёт к кассе, встаёт в очередь. Когда очередь подходит, Серёжа вываливает набранные им продукты на прилавок и говорит кассирше, что ему надо взять товар в отделе «дорогих» спиртных напитков, кассирша выходит из-за кассы, идёт в отдел «дорогих» спиртных напитков, это довольно жалкие, простые напитки, но для «Пятёрочки» они считаются дорогими, Серёжа называет одну или две марки, продавщица (кассирша) не понимает и долго ищет, Серёжа ей под-

сказывает, говорит что-то типа «вот там, левее, нет, правее, правее, вон там», кассирша наконец берёт бутылку *Red Label* и *William Lawson's*, больше там брать нечего, и несёт их на кассу, Серёжа собирается оплатить, а кассирша, усевшись за кассу, спрашивает: а у вас есть наша карта? Серёжа говорит: нет, а кассирша говорит: мы без карты не можем продать этот товар, Серёжа говорит: ну как же так, кассирша говорит: нет, можем, но это будет прямо вот слишком дорого, ну, может, у кого-то будет карта, девушка из очереди протягивает карту, спасибо-спасибо-спасибо, кассирша пробивает товар.

Серёжа выходит из магазина. Серёжа идёт к автобусной остановке. Серёжа садится на скамеечку внутри остановочного павильона. Серёжа достаёт из рюкзака бутылку *Red Label* и, никого не стесняясь, делает большой глоток. Серёжа некоторое время сидит на остановке. Никто не обращает на него внимания. Серёжа смотрит на пятиэтажный дом напротив, на здание школы чуть правее, на деревья, которыми густо зарос двор перед остановкой. Серёжа сидит, сидит. Серёжа довольно долго сидит. Подъезжает автобус. Серёжа входит в автобус, садится на место у окна, пьёт виски. Серёжа подъезжает к оживлённому месту, выходит, идёт в жерло, которое в нашей реальности обычно обозначает вход в метро, но это не метро, а МЦК, Московское центральное кольцо. Серёжа выходит на платформу МЦК, садится на скамейку и ждёт. Он, в общем-то, не особенно ждёт прямо вот конкретного поезда, он просто сидит и пропускает несколько поез-

дов. Серёжа выпивает из горла некоторое количество виски *Red Label*, в бутылке уже остаётся не очень много этого виски. Серёжа всё же садится в один из подошедших поездов. В поезде хорошо, уютно, спокойно, мягко, много свободных мест. Серёжа садится у окна и прямо вот нагло хлещет свой вискарь.

Серёжа едет, едет. Серёжа едет. Серёжа едет сквозь старые московские окраины и пьёт виски, купленный в магазине «Пятёрочка». Он уже выпил бутылку *Red Label* и перешёл к бутылке *William Lawson's*. Серёжа наблюдает проносящиеся мимо него серые промышленные или даже не промышленные, а всё больше складские здания, и ему как-то всё равно, и уголком сознания он думает, какая, собственно, разница и зачем это всё. Всё равно ведь.

К Серёже подходят полицейские. Здравствуйте, старший лейтенант Скворцов, отделение такое-то (ну, какие у них там бывают отделения), документики ваши, пожалуйста, так, а что это мы выпиваем в общественном месте, знаете, меня к смертной казни приговорили, к смертной казни, хм, а можно документики какие-то, Серёжа достаёт из рюкзака буклет с яркой надписью «СК: информация». Полицейский долго изучает буклет, говорит: ну ладно, допустим. Это редкий случай. Мы, конечно, понимаем. Трудно, наверное. Серёжа говорит: ну да, знаете, трудно. Полицейский: вы не перебивайте, гражданин. Ладно, мы понимаем, мы же не звери какие-то. Всё понятно. Мы же тоже люди. Сергей... как там

вас... Сергей Петрович, вы как-то поосторожнее, ладно? Давайте без вот этого вот. Давайте как-то поосторожнее. И мы это... мы это... ну, в общем, держитесь как-то. Держитесь, не нарушайте норм. Давайте. Удачи вам. Серёжа спрашивает: какой удачи? Полицейский выразительно смотрит на Серёжу. Полицейские уходят.

Совсем пьяный, но вполне держащийся на ногах Серёжа выходит на одной из станций МЦК, вызывает такси, садится в такси, называет адрес своего дома, теперь уже временного. Таксист спрашивает: музыка не мешает? Серёжа отвечает: нормально. И всю поездку в такси оглушительно звучит «Восток FM». Серёжа ловит себя на мысли, что ему это даже как-то странно нравится.

Серёжа подъезжает к своему дому, говорит таксисту: спасибо большое, всего доброго, таксист говорит: и вам спасибо, хорошего вам вечера, Серёжа отвечает: у меня теперь хороших вечеров не бывает, таксист улыбается, Серёжа входит в подъезд, вызывает лифт, поднимается на лифте на нужный этаж, открывает своими ключами дверь в квартиру. Входит в квартиру.

Эпизод 11

Серёжа раздевается (вешает куртку на вешалку), разувается (пытается стянуть с себя кроссовки, не развязывая шнурков, это получается плохо, ну как-нибудь, ну ладно).

Света сидит на кухне с ноутбуком. Серёжа, как бы это сказать, пьян. И между ними происходит следующий разговор:

– Свет, привет.

– Привет. Что-то ты лыка не вяжешь.

– Свет. Ну я это.

– Не, ну я понимаю.

– Свет, я к маме ездил.

– Да, я понимаю, после визита к твоей маме нужно как-то взбодриться.

– Ну, типа, да.

– Сочувствую тебе.

– Спасибо, Света. Ты всегда так мне сочувствуешь.

– Да не за что. А что? Плохо сочувствую? Надо ещё как-то? Какая-то ирония слышится в твоём пьяном голосе.

– Да нет, я так. Ну, просто, учитывая всё... Могла бы не иронизировать.

– М-м-м. Пожалеть тебя? Ну... я тебя жалею. Мне жаль, что всё вот так.

– Ну вот так, прикинь.

– Да, фигня какая-то. Из-за бабы какой-то погибнешь. Серёжа, мне очень жаль. Правда, прямо вот дико жаль.

– Это не из-за бабы, это из-за законов этих диких.

– Ну да. Из-за законов.

– Это же дикость какая-то, да? Двадцать один год! Ну вообще!

– Ну да, дикость. Серёж, ты перед смертью хочешь повоз-

мущаться? Порассуждать о дикости законов?

– Не, ну они правда совсем уже охренели! Так ведь нельзя! Это же дикость прямо вот какая-то!

– Серёжа, понимаю твоё возмущение. Но... как тебе сказать. Ну вот когда Марию-Антуанетту вели на гильотину, она ведь не возмущалась, не кричала: ну как же так, ну почему же моя родная Австрия не заступится за меня!

– Ну при чём тут Мария-Антуанетта?!

– Ну, ваше с ней положение в чём-то похоже. Ну, типа... как тебе объяснить. Когда участь твоя решена, не надо уже дёргаться. Даже словесно. Прими и смирись.

– Легко тебе говорить.

– Нет, не легко.

Света гладит Серёжу по голове, встаёт со своего стула, обнимает его, и тут уже надо вспомнить, что всё это похоже на фильм и что, если постановщику фильма будет угодно, между ними может произойти (или не произойти) любовная сцена.

Эпизод 12

Помятый, похмельный Серёжа сидит в кабинете завкафедрой. Завкафедрой – классический учёный, старенький, с бородкой, со всеми делами. Или без бородки. Неважно. И между ними происходит следующий разговор:

– Сергей Петрович, мы всё понимаем. Я всё по-челове-

чески понимаю. И совершенно не осуждаю вас. Мне важно, чтобы вы это понимали. Да.

– Николай Степанович, спасибо. Я это ценю. Всегда ценил ваше доброе отношение.

– Да. Да. Спасибо. Сергей Петрович, это, конечно, страшная, дикая история, все мы понимаем. Но, знаете, я вам скажу. Эта дикая история не означает, что вам нужно уйти из университета. В этом плане наша политика вполне либеральная. Я вот как раз и хотел вас спросить: вы хотите продолжить преподавать? Насколько я знаю, там, в тюрьме, у вас будут все возможности.

– Ну, почему бы и нет. Николай Степанович, спасибо за это предложение. Вот уж я не ожидал такого. Думал, меня все проклянут.

– Ну что вы, Сергей Петрович, о чём вы. Все же понимают, что это... Ну, абсурд, абсурд. Ладно, не будем сейчас об этом. Мы все всё понимаем. И мы все ценим вас как бесценного сотрудника. Простите за этот дурацкий каламбур.

– Спасибо большое.

– Я бы хотел, чтобы вы продолжали у нас преподавать. У нас всё равно всё сейчас переводится в онлайн, в зум этот. Вы бы ведь могли?

– Ну, в общем-то, да.

– Ставку мы за вами сохраним. Я похатайствую, чтобы ещё и повесить вам. Сейчас появились новые возможности. Оформим вас как уникального эксперта. Это только от меня

зависит, а ставка может быть в два раза больше. Вам надо только в бухгалтерию сейчас зайти и новый договор подписать. Ну, в общем, вы согласны?

– Ну... в общем, да.

– Сергей Петрович, ну вы как-то вяло реагируете! Радоваться надо! Не каждому сотруднику у нас такие условия предлагают! Я же знаю про эту вашу смертную казнь. Там могут не казнить до глубокой старости, человек может дожить до седин и умереть своей смертью. Говорят, там быстро привыкают и живут обычной жизнью. Будете преподавать, писать статьи, публиковаться. Приободритесь как-то, ну! Вы же учёный! И я, как вы видите, на вашей стороне!

– Спасибо, Николай Степанович. Спасибо. Я очень ценю ваше предложение. Мне, наверное, будет там легче... заниматься вот этим всем... пока не расстреляют. Спасибо.

– Сергей Петрович, голубчик, ну что вы так зацикливаетесь на этом вот «расстреляют»! Все мы когда-нибудь умрём. Что уж так убиваться.

– Ну, как вам сказать, Николай Степанович. Есть всё же разница.

– Да, Сергей Петрович. Да. Знаете, вы простите меня. Простите. Я был плох с вами. Не надо было мне всего этого говорить. Мне бы лучше помолчать, а я что-то разговорился. Сергей Петрович... Серёжа. Дорогой мой Серёжа. Простите меня, пожалуйста. Я вам ничего плохого не сделал, но просто простите меня, как человека, у которого всё хорошо.

У вас всё плохо, а у меня всё хорошо, и вот простите меня, пожалуйста.

– Спасибо, Николай Степанович. Даже как-то не ожидал от вас.

– Серёжа, ну, в общем, я про дела вам всё сказал, а так больше нам вроде бы говорить не о чем. Простите, мне очень больно видеть вас. Вот таким – здоровым, крепким, цветущим. Умным. Ну ладно, давайте прощаться. Прощайте, Сергей Петрович, прощайте, прощайте.

– Да, Николай Степанович. Спасибо. До свидания. Вернее, да – прощайте.

Эпизод 13

Серёжа идёт пешком в Комбинат. Он решает пойти пешком, идёт через центральные районы Москвы. Майская Москва прекрасна. Серёжа подходит к неприметной двери в бетонной стене. Звонит в звонок. Да, слушаю. Это Фролов... Сергей Петрович. Я на СК.

Звонок отзывается открывающим звуком.

Серёжа входит. Коридор. Серёжа не знает, идти ему вперёд или не идти. Навстречу Серёже выходит бодрый человек, протягивает Серёже руку.

– Здравствуйте.

Серёжа отвечает, естественно:

– Здравствуйте.

– Давайте, проходите сюда. Так, так, сюда.

Окно регистрации. Бодрый человек говорит:

– Документы, пожалуйста. Извините, надо всё же соблюсти порядок.

Происходит оформление документов. Серёже вручают пластиковый пропуск.

– Ну, пойдёмте.

Идут по длинным светлым коридорам. Идут, идут и приходят наконец в кабинет бодрого человека.

– Располагайтесь, пожалуйста. Чай, кофе?

– Да... можно... чай... зелёный... без сахара. Хотя... какая теперь уже разница.

– Отлично. Светочка, принеси чай, зелёный, без сахара, и мне кофе, как всегда.

Бодрый человек некоторое время молчит. Серёжа тоже молчит.

Бодрый человек: Сергей... Петрович. Фролов. Хорошо. Я рад приветствовать вас в нашем Комбинате. Сразу скажу: здесь у нас ничего такого страшного нет, не бойтесь. Вот прямо первая для вас информация: не бойтесь. Всё хорошо. Расслабьтесь, настройтесь на лучшее.

– Да, спасибо. Я уже как-то постарался. Плоховато, конечно, получается.

– Да, с самого начала людям трудно. Это да. Я вас понимаю. Ладно. У нас сегодня с вами инструктаж. Давайте начнём, а там, дальше, многое для вас прояснится.

– Страшновато звучит слово «инструктаж».

– Ну, ничего страшного на самом деле. Тут у нас всё страшно только сначала, а потом ничего. В общем, я начну инструктаж, если вы не против. Не против?

– Да.

– Ну ещё бы. В общем, так. Как вам уже, кажется, известно, в стране введён режим Общей Гуманизации, в рамках которого возвращена смертная казнь. Ну да, можно, конечно, смеяться, издеваться. Но лучше не надо, особенно вам и в вашем положении. Возвращена смертная казнь по преступлениям в сфере морали и по экономическим преступлениям. Это вы, думаю, знаете.

– Ну, в общем, да. Странный какой-то закон.

– Странный? Можем его обсудить, если хотите. У вас есть такое право.

– Да я не то что хотел бы обсуждать. Просто странно. За убийство, изнасилование нет срока, а за вот это...

– Да, это на первый взгляд кажется странным. Но, как бы вам объяснить... Убийца, насильник – они уже как бы сами себя приговаривают к страшному наказанию, к нравственной смерти. Их нужно законом просто немного подтолкнуть к осознанию их проступков.

– Это немного смешно звучит.

– Не надо смеяться. Нарушения типа того, что допустили вы, простите, не хотел бы вас лично осуждать... так вот, такие нарушения у нас в обществе до сих пор считаются при-

емлемыми. Подумаешь, переспал с девушкой! И люди, которые такое допускают, даже гордятся этим, ходят, так сказать, гоголем. И коррупция тоже. Люди считают, что это нормально, гордятся этим! Типа, я делаю дела, я такой вот деловой человек, не то что вы все, лохи. Человек гордится своими экономическими преступлениями. И вот, чтобы как-то подчеркнуть недопустимость таких преступлений, сделать их более, что ли, выпуклыми, наше государство пошло на такие вот меры. А что делать.

– Более выпуклыми. Ну хорошо.

– Да, Сергей Петрович. Более выпуклыми. Сергей Петрович, я должен сейчас провести для вас экскурсию по нашему Комбинату. Пойдёмте.

Бодрый человек и Серёжа долго идут по странноватым светлым коридорам, приходят в ещё один коридор, очень светлый и широкий.

– Сергей Петрович, вот это, собственно, коридор, где когда-нибудь решится ваша судьба, вы уж извините за этот высокий штить. Вы будете каждый день выходить на прогулку, вот отсюда и вон туда, и в один из дней... ну, вы понимаете. Но когда это будет, никто не знает. Вы сможете спокойно состариться и умереть своей смертью. А можете и не состариться и не умереть. Это уж как получится, как повезёт.

– То есть я вот так иду, и мне в спину стреляют, да?

– Ну, в общем, да. Вы ничего даже не заметите. Пулемёт

разносит человека сразу в клочья, за полсекунды. Вы ничего не почувствуете. Гуманная казнь. Да правда, вы не бойтесь. Раз – и всё. Даже ничего не успеете почувствовать.

– Это я вот так буду каждый день ходить и спиной чувствовать, что сейчас стрельнёт?

– Ну да. Но, знаете, мы наблюдаем за приговорёнными. На самом деле очень быстро привыкают все. Будете ходить просто так, как с собачкой погулять. Привыкнете. Только первое время страшно. Ну, ну, не надо дрейфить! Это на самом деле фигня. Вы быстро привыкнете.

– А можно пулемёт посмотреть?

– Да, конечно, это ваше право. Вот, смотрите, вот сюда. Видите?

Серёжа видит подвешенный к потолку страшный на вид пулемёт. Несколько дул на круглой штуковине, судя по всему, вращающейся. Это очень угрожающая конструкция, на неё страшно смотреть. Пулемёт выкрашен в белый цвет.

– Это вот... он?

– Ну да. Будете каждый день видеть его по пути на прогулку. Но я вас уверяю, опять-таки, вы быстро привыкнете. Не будете обращать на этот пулемёт никакого внимания.

– Трудно на такую штуку не обращать внимания.

– Это вам сейчас так кажется. Ну ладно, давайте как раз пройдем по этому коридору, не бойтесь, пулемёт не выстрелит. Давайте посмотрим место ваших прогулок.

Серёжа и бодрый человек долго идут по коридору и выхо-

дят в прекрасный парк. Он расположен прямо посреди города. Дорожки, деревья, кусты, всё очень красиво. По дорожкам ходят немного странные люди. В их облике нет ничего странного, но, когда смотришь на них, первое слово, которое напрашивается при их виде, – странные. Они не обращают никакого внимания на появившихся Серёжу и бодрого человека.

– Вот, здесь вы каждый день будете гулять.

– Правильно ли я понял, что прогулка будет возможной только после прохождения под пулемётом?

– Да, совершенно верно. Все эти люди именно так получают право на прогулки в этом, согласитесь, прекрасном парке.

Серёжа видит странного вида людей, меланхолично прогуливающих в парке и совершенно никак не коммуницирующих друг с другом.

Серёжа идёт по дорожке парка, доходит до паркового ограждения. За не очень убедительным забором (легко перелезть, перепрыгнуть) – обычная московская улица, по тротуару ходят люди, по проезжей части ездят машины, автобусы, трамваи.

– А если я захочу убежать? Вообще, если я не приду в этот ваш Комбинат? Уеду куда-нибудь? Что будет?

– Ну что вы как маленький. Что будет, что будет. Если убежите из Комбината, то через пару минут задержим и вернём обратно. Камеры, слежение по расположению телефона, ну, обычное дело. Если просто попытаетесь убежать, не являясь

в Комбинат, тоже быстро обнаружим. Можно включить работу системы «Доброе возвращение», вы сами к нам прибежите и попроситесь, чтобы мы вас обратно приняли. Это, знаете, такое воздействие... да вы наверняка читали. У человека единственное чувство, единственное желание остаётся, абсолютно доминирующее, – вернуться туда, откуда убежал.

– М-м, это интересно. Я слышал, конечно, про что-то такое. А если человек попытался бежать и его поймали, что ему будет?

– Ну вы прямо как будто собираетесь бежать. Немного не ожидал от вас. Если человек пытался бежать, его задержали и вернули в место заключения, то ему ничего не будет. Стремление к свободе признано нашим законодательством естественным стремлением человека. Это не наказывается. Срок не добавляется.

– Какая-то неожиданная гуманность.

– У вас просто есть предубеждение. Новая система гуманна. Ладно. Давайте я вам ваш номер покажу.

Серёжа и бодрый человек некоторое время идут по коридорам, потом оказываются в уютном коридоре гостиничного типа, с многочисленными дверями. Бодрый человек сверяется с электронным ключом, открывает дверь.

– Ну вот, вэлкам. Ваш номер.

Нормальный гостиничный номер. Широкая кровать, рабочий стол, много розеток, санузел с удобной душевой кабиной.

- Вот, будете здесь жить. Посмотрите, всё устраивает? Жалобы есть? Пожелания, может, какие-то?
- Да нет, нормально всё вроде. А тут можно с компьютером?
- Да, конечно. Мы выделяем каждому заключённому персональный компьютер с безлимитным интернетом, но, если хотите, можете со своим компьютером прийти. Всё можно, всё. И можете как угодно общаться.
- Прямо вот никаких ограничений нет? Фейсбук, инстаграм, ВКонтакте, ютьюб?
- Да, пожалуйста, пользуйтесь любыми сетями, любыми сервисами. По телефону можно звонить куда и кому угодно. Никаких ограничений. Я же говорю, мы стараемся по возможности гуманизировать процесс.
- Гуманно. Надо же.
- Да, Сергей Петрович, гуманно. Мы стараемся. Ну, наверное, можно считать нашу экскурсию оконченной. Приходите... покажите мне ваш буклет... да... приходите, заселяйтесь, будем с вами тут жить. Да не бойтесь, это не так страшно, как вы думаете. Приободритесь! Вот сюда, пожалуйста, вот сюда. Давайте, до свидания. Как сейчас говорят, хорошего дня.

Эпизод 14

Серёжа, не очень трезвый, но в целом в нормальном со-

стоянии, приходит в свою пока ещё квартиру. Серёжа не очень ловко снимает с себя обувь, это сопровождается грохотом. Серёжа снимает с себя верхнюю одежду. Серёжа входит на кухню. На кухне сидит его (пока ещё) жена Света с ноутбуком.

– Ну как? Как тюрьма? Посмотрел, ознакомился?

– Ну, так. Нормально, в принципе. А ты что имеешь в виду? Какой-то тон у тебя... Такой.

– Да нет, ну мне же, как простому обывателю, далёкому от смертной казни и от всего этого, интересно же, как там всё у вас, больших серьёзных личностей, происходит.

– Издеваешься. Ну давай. А меня ведь скоро расстреляют.

– Да нет. Ты извини. Ну, я просто хотела спросить. Как там оно у них всё?

– Ты так говоришь, как будто меня уже нет, как будто я уже расчеловечился.

Света вдруг протягивает руку, гладит по лицу Серёжу. Встаёт, подходит к нему, целует в губы.

– Зря ты изменил мне. Ты хороший парень, но всё как-то изменилось, не могу ничего с этим поделать. Как-то всё обрушилось. Извини. И с этой твоей смертной казнью... Как-кая-то страшная нелепость... Я теперь ничего не могу с этим сделать. Хочу помочь тебе, и не могу. Хочу спасти тебя, и не могу. Знаешь, есть такое стихотворение. «Встретить хочу тебя, и не могу. Потому что обман – это не шуточки на лугу».

– Да, знаю. Анна Логвинова. Хорошее стихотворение.

– Да, точно. Вот как-то так. Ты меня прости.

– Мне ещё несколько дней нужно будет у тебя перекантоваться.

– Да, давай, конечно, без проблем.

– Спасибо.

– Ну вот там давай располагайся.

– Света.

– Да.

– А может быть, мы...

– Нет, Серёжа, давай всё же нет.

– Ладно.

Эпизод 15

Серёжа приходит на смотровую площадку на Воробьёвых горах. Стоит, оглядывается, смотрит на туристов/смотрящих. Ходит туда-сюда. Наконец к нему подходит красивая девушка. Это та девушка, которая присутствовала на судебном заседании.

– Здравствуйте, Сергей Петрович, – произносит девушка.

– Здравствуйте, Илона. Я немного удивлён вашим этим фактически вызовом.

– Сергей Петрович. Я... Я не знаю, как вам сказать. Я ещё в суде сказала, что не виню вас. Я в суде сказала, что всё было... мне очень мерзко произносить эти слова, но... по взаимному согласию. Как-то мерзко звучит. Мне мерзко писать

и говорить это, как будто это могло быть без моего согласия. Этого не могло быть в принципе. И для меня было оскорбительно, что люди обсуждали эту ситуацию, как будто она могла состояться без моего согласия, вот это самое мерзкое, думаю, вы понимаете.

– Да, Илона, это я понимаю.

– Ну хорошо.

– Ну вот и славно. Давайте посмотрим на величественный пейзаж Москвы, а потом меня через какое-то время расстреляют.

– Да, давайте посмотрим. Зря говорят, что Москва некрасивая.

– Конечно, зря. Москва – это ЛГЗ.

– Что такое ЛГЗ?

– Это лучший город Земли. Была такая советская песня.

– Ну, я соглашусь. Может, ещё Питер?

– Да вы ничего не понимаете в городах. Ну какой Питер?

А впрочем, да, и Питер.

– А Киев?

– Да, вечный город Руси. Я его когда-то любил. Но с некоторых времён перестал. Хотя красивый, конечно.

– Ну вот.

– Да.

– Сергей Петрович.

– Да.

– Я хотела сказать.

– Да, говорите, конечно. Если хотели.

– Сергей Петрович, я люблю вас. Я не хотела, чтобы это всё так вот получилось.

– Да, я понимаю. Смотрите, а ведь они сейчас нас тоже контролируют.

– Да, Сергей Петрович. Я... не знаю... вы меня простите или нет...

– Ну что вы. Я вас прощаю. Не парьтесь так сильно об этом. Вам-то что? Вы себя ведёте очень благородно для жертвы.

– Сергей Петрович, ну какой жертвы.

– Ну как. Моей жертвы. Но, знаете... думаю, нам надо уже как-то прекращать. Я вам очень благодарен. Вы хорошая девушка, умная. Надеюсь, у вас всё будет хорошо. А у меня всё будет плохо. Меня скоро расстреляют. Но это не вы виноваты. Это так сложились обстоятельства. Ну и ладно.

– Сергей Петрович, да, я понимаю. Простите, хотела у вас спросить. Сергей Петрович, вы меня любите?

– Илона... трудно ответить на ваш вопрос. Если бы мне предстояла долгая счастливая жизнь, я бы что-то придумал, что-то ответил на ваш сложный вопрос. Но поскольку я скоро буду казнён, буду расстрелян из пулемёта, знаете, это не совсем обычно – быть расстрелянным из пулемёта, то я скажу – трудно сказать, Илона, трудно сказать. Вот мне трудно будет жить и умереть и жить после смерти с таким ответом, и вы тоже живите с таким вот неопределённым ответом –

трудно сказать.

– Сергей Петрович...

– Да, Илона. Давайте обнимемся. Вы хорошая девушка.

– Сергей Петрович... Сергей Петрович... я...

– Да, Илона, да, спасибо, пока, пока.

Эпизод 16

Серёжа и Света смотрят ночью фильм «Бангкок Хилтон». Действие доходит до расстрела девушки-наркоторсери. Её ставят и привязывают к столбу. Перед ней стоит противотанковый пулемёт. Пулемёт наводят на привязанную жертву, фиксируют. Между ней и пулемётом устанавливают бумажный экран, чтобы жертва не видела, как в её сторону вылетают пули из пулемёта. Гуманность. Хотя она бы и так ничего не заметила, какая разница. Это ведь доли секунды. Но всё равно – гуманность, гуманность. У пулемёта есть оператор, человек, который приводит пулемёт в действие, фактически палач. Какой-то тайский парень. Наверное, служащий тюрьмы, получает повышенную зарплату. Там ещё есть какой-то высокий чин, генерал или ещё кто-то в этом роде. Он распорядитель казни. Генерал, или кто он там, делает жест рукой, тайский парень-палач тоже делает жест рукой, двигает какую-то штуку вперёд, и пулемёт стреляет, и нам, кинозрителям, показывают, как бумажный экран, отделяющий пулемёт от девушки, разрывается в клочья.

Девушка, наверное, тоже разрывается в клочья. Ну так, по логике.

Света и Серёжа обсуждают фильм и конкретно эту сцену. Света говорит:

- Да, пиздец.
- Типа, да.
- У них там, в Таиланде. Это вообще. Дикая страна.
- Типа, да. Но у нас, видишь, тоже.
- Да. Мы тоже дикая страна.
- Прикинь, меня тоже так.
- Серёжа.
- Меня тоже так расстреляют.
- Серёжа. Ну да. Но не совсем так.
- Да, есть отличия. Без бумажного экрана.
- И не в лицо, а в спину.
- Да, действительно. Света, умеешь ты подбодрить.
- И у тебя будет ещё неизвестность.
- Да.
- Ну вот.
- Будем ещё смотреть?
- Как хочешь. Знаешь, чем закончилось?
- Там эта австралийская девушка вроде выбирается из всех невзгод.
- Да, этой суке ничего не делается. Её спасают эти героические англосаксы. Эти, блядь, пидорасы без страха и упрёка. Ну а как ещё. Как же ещё может быть.

- Да ладно, нормальные вроде ребята.
- Давай что-нибудь другое посмотрим.
- Да, давай.

Эпизод 17

Серёжа прощается с Москвой, которую он очень любит, как всякий коренной москвич. Серёжа не придумывает ничего лучшего, чем начать прощание с Москвой с прихода на Красную площадь. Он приезжает на станцию метро «Площадь Революции» и приходит на Красную площадь, как дурак. Стоит, как идиот, на Красной площади, смотрит на всё вот это. Серёжа долго стоит на Красной площади и смотрит на неё, на сооружения, которые её окружают, – Кремлёвскую стену, Мавзолей, храм Василия Блаженного, ГУМ, Казанский собор, Исторический музей. Естественно, как дурак, как идиот, вращается вокруг своей оси, поворачивается, смотрит вокруг. Потом перестаёт вращаться и просто неподвижно смотрит на Спасскую башню. Это и правда самый красивый объект Красной площади. Серёжа смотрит, смотрит. Смотрит пристально. В какой-то момент Серёже начинает казаться, что вся площадь становится красной. Всё становится красным – и брусчатка, и собор Василия Блаженного, и люди на площади, на Красной площади, которая стала полностью красной. Серёжа смотрит на всё это, и ему, кажется, становится нехорошо. К Серёже моментально подходит

полицейский. Здравствуйте, старший лейтенант Лебедеenko, как вы себя чувствуете? Врача не нужно? Нормально, да? Правда нормально? Ну смотрите. Давайте тогда идите вон туда, вон, видите, на Ильинке, есть скамеечки, вот идите туда, посидите. Если помощь нужна будет, обращайтесь.

Серёжа плетётся на Ильинку, садится на скамейку. С Серёжей ничего не происходит. Серёже уже хорошо. Да и плохо ему не было. Серёжа осторожненько перебирается через Красную площадь к другому её концу, то есть, получается, к Манежной площади. Переходит через длинный подземный переход к началу Тверской улицы. Выходит на поверхность, идёт вдоль Тверской улицы. Серёжа отмечает про себя полную отшибленность чувств. Он ничего не чувствует. Ему как бы всё равно. А раньше ведь он чувствовал. Серёжа очень быстро понимает, что всё дело в его жизненных обстоятельствах, в предстоящей ему смертной казни. Тут получается интересная и странная мысленная конструкция: Серёжа хотел прогуляться по Москве и в то же время не помнить о смертной казни. Как оказалось, это невозможно. Так не получится. Это не работает. Человечество в этом смысле то ли обманывалось, то ли просто хотело дополнительно поглотиться над приговорёнными. Ну вот эта, знаете, старая английская традиция – типа, человека ведут на казнь и позволяют ему заходить в попутные кабаки и выпивать в каждом по рюмке. Но это так себе милость. Это, по сути дела, дополнительный способ помучить человека.

Серёжа стоит на Пушкинской площади и беспомощно озирается. Он понимает, что он сейчас в последний раз видит всё вот это. Дом с магазином «Армения», дом с «Галереей Актёр» (её, кажется, уже нет – или есть), памятник Пушкину, здание «Известий», здание Английского клуба вдали, начало Тверского бульвара. Серёжа не знает, что ему надо делать и чувствовать в этой ситуации и в этом месте. Он долго стоит, молчит, смотрит. Он вдруг думает и осознаёт приход мысли: всё же главное место в Москве – это вот здесь, на Пушкинской площади. Там, на Красной, – главное сакральное место, а просто главное место, место, вокруг которого вращается вся жизнь, – это вот здесь, это Пушкинская площадь, Пушка, как когда-то говорили, но сейчас давно уже не говорят. Ну, может быть, есть ещё пара мест – Новокузнецкая, Чистые пруды. Там тоже жизнь ощутимо завихряется. Серёжа думает: может быть, сейчас поехать туда или пойти (ведь рядом).

Серёжа представляет себе, как он тупо стоит на площади рядом с метро «Тургеневская» и смотрит на бывшее здание ВХУТЕМАСа и на нынешнее здание театра *Et Cetera*, и ему становится не очень хорошо, и он решает не посещать напоследок самые оживлённые места Москвы.

Хотя... Есть некоторый смысл в том, чтобы дойти или доехать до Чистых прудов. Лучше дойти. Серёжа идёт по бульварам. Лето, хорошая погода, и на бульварах хорошо. Как же хорошо на московских бульварах, думает Серёжа. Какое же

это хорошее место. В этом месте мысль Серёжи тупеет, упирается в тупик. Возможно, это связано с общей тупиковостью его жизни, с тем, что он больше никогда не сможет посетить эти благословенные места. Да, он ловит себя на некоторой тупости, тупиковости мышления. Некуда думать. Ну да. А что. Чего же ты хотел.

Тем не менее у Серёжи остаётся ещё время для очень длинной прогулки по Москве и даже по Московской области. Хотя Серёжа не фанат Московской области (а зря), и дело ограничивается Москвой.

Серёжа легко преодолевает крутой подъём Рождественского бульвара (здоровье у Серёжи хорошее, вот какая ирония судьбы) и выходит к Чистым прудам. Серёжа ждёт на конечной остановке трамвая. Ему хочется, как в детстве, покататься на трамвае. Серёжа помнит, как он с мамой катался на трамвае А, как мама рассказывала, что это раньше был самый главный московский трамвай. Серёжа с мамой приезжали или приходили на конечную остановку трамвая А, ждали, садились в трамвай и ехали. Чистопрудный, Покровский, Яузский бульвары, Новокузнецкая улица, переехать Садовое кольцо, Павелецкий вокзал. И за вокзалом – кольцо, трамвай делал круг вокруг церкви, там было совсем тесно, трамвай задевал деревья и почти задевал церковь и выезжал обратно на Дубининскую улицу и полупустой ехал к Чистым прудам, и эта поездка вызывала у Серёжи восторг, восторг.

Сейчас нет этого маршрута.

Хотя почему нет. Маршрут А остался, никуда не делся. Просто он теперь не разворачивается на том, старом кольце вокруг церкви у Павелецкого вокзала. Теперь он поворачивает к Павелецкому вокзалу и идёт дальше, до Новоконной площади.

Серёжа дожидается трамвая А, садится в него, оплачивает проезд при помощи карты «Тройка». Терминал сообщает, что на карте «Тройка» осталось ещё 386 рублей. Серёжа думает: надо будет оставить Свете.

Серёжа доезжает до Новоконной площади. Это конечная. Тут рядом Калитниковский пруд. Тут рядом Скотопрогонная улица, на которой он всегда хотел побывать, но так и не побывал. А сейчас как-то не хочется на ней бывать, потому что Серёжа чувствует некоторую близость своего положения и положения скота, который гнали по Скотопрогонной улице на бойню (станция «Бойня», Микояновский мясокомбинат).

Серёжа едет обратно, до Чистых прудов, выходит из трамвая А, ждёт, дожидается трамвая 39 (в его детстве набор маршрутов здесь был такой же: А, 3, 39, он запомнил это на всю жизнь). Серёжа садится в трамвай 39, едет по довольно интересному маршруту до метро «Ленинский проспект», выходит, переходит на станцию МЦК «Площадь Гагарина», садится в поезд МЦК и едет.

Серёжа едет и думает: на хрена он вообще решил ехать и прощаться с Москвой? Зачем это всё? Он сейчас не чувствует по отношению к Москве вообще ничего. Это просто

часть убивающей (убившей) его реальности. Сейчас это не Москва, которую он всегда, с детства до дрожи любил, а часть реальности, которая приговорила его к смерти. И прощание получается чем-то вроде прощания с предавшей тебя и осудившей тебя на смерть матерью, как-то так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.